

Говард Филлипс Лавкрафт

Иные Боги

(The Other Gods)

На высочайшей из земных вершин обитают боги Земли, и никому из смертных не дано увидеть их воочию. Некогда боги населяли не столь высокие горы, но беспокойное людское племя, покидая равнины, упорно карабкалось вверх по скалистым заснеженным склонам, оттесняя богов все дальше и дальше, пока в их владении не остался один-единственный пик. Уходя, они забирали с собой все свидетельства своего пребывания, по каким-то причинам оставив нетронутым лишь загадочный лик, что был высечен на гранитном фасаде горы, именуемой Нгранек.

Наконец они обосновались на неведомом Кадате, в сердце холодной пустыни, где еще не ступала нога человека; и с тех пор боги ожесточились, ибо некуда было уже уходить с этой самой последней вершины, если люди сумеют добраться и до нее. Боги ожесточились, отвергнув бывшее смирение, с каковым они уступали напору людей, и теперь путь на гору был смертным заказан, а взошедшим туда уже не было пути назад. К счастью для них самих, люди ведать не ведали о существовании Кадата в сердце холодной пустыни, а иначе они, как всегда, безрассудно пошли бы на штурм этой все еще не покоренной вершины.

Временами боги Земли, тоскуя по тем горам, что прежде служили им домом, навещают одну из них, выбрав для этого тихую ночь, и едва слышно плачут, не в силах повторить на знакомых утесах веселые игрища давних дней. Порой слезы богов с белоснежной вершины Тураи слетают в долину, обитатели коей считают их обыкновенным дождем; а печальные вздохи богов порой можно услышать в дуновении ветра, стекающего с крутых склонов горы Лерион. Боги странствуют из края в край на своих кораблях-облаках, и умудренные старцы хранят в памяти легенды, отвращающие смельчаков от восхождения на ту или иную вершину облачными ночами, ибо ныне боги не столь терпимы к чужому присутствию, как это было во время оно.

В Ултаре, что за рекой Скай, жил старик, одержимый идеей увидеть богов Земли. Он преуспел в изучении семи сокровенных книг Хсана и прочел Пнакотикские рукописи, повествующие о далеком, скованном льдами Ломаре. Звали его Барзай Мудрый, а деревенские жители вспоминают его как человека, поднявшегося на гору в ночь необычайного затмения.

Барзай знал о богах Земли так много, что мог предсказывать их перемещения; он разгадал столько их тайн, что его самого почитали за полубога. Это его мудрым советам обязаны жители Ултара принятием известного закона, запрещающего убивать кошек; он же поведал молодому священнику Аталу, куда исчезают все черные кошки в полночь накануне Дня святого Иоанна. Его знания о богах были воистину глубоки и обширны, но ему не давало покоя желание их лицезреть. Веря в то, что причастность к великим тайнам оградит его от божественного гнева, Барзай задумал подняться на гору Хатег-Кла в ночь, когда, по его расчетам, там должны были объявиться боги.

Хатег-Кла расположена в глубине каменистой пустыни, лежащей за Хатегом, чье имя и носит гора. Подобно статуе среди пустого храма, она одиноко высится над мертвым морем камней. У вершины ее всегда клубится туман, ведь туманы — это память богов, а боги особенно любили Хатег-Кла в ту далекую пору, когда здесь была их обитель. Временами они прилетают сюда на облачных кораблях и, укрыв белой мглой скалистые склоны, самозабвенно танцуют, как встарь, на голой вершине при ярком свете луны. Жители Хатега предпочитают держаться подальше от этой горы и предрекают гибель всякому дерзнувшему посетить ее в одну из ночей, когда белая мгла окутывает склоны, скрывая от посторонних взоров вершину с висящей над ней луной. Однако Барзай, придя в Хатег из соседнего Ултара со своим учеником Аталом, остался глух к увещаниям старожиллов. Если Атал, сын простого трактирщика, не всегда мог побороть свой страх перед неведомым, то Барзай происходил из семьи аристократов, владевших старинным замком, и примитивные суеверия простолюдинов вызывали у него лишь насмешку.

Итак, презрев мольбы испуганных крестьян, Барзай и Атал отправились в глубь каменистой пустыни и у костра на ночных привалах подолгу беседовали о богах Земли. День за днем они шли вперед, и над горизонтом все выше вздымалась громада Хатег-Кла в ореоле клубящегося тумана. Когда на тринадцатый день они достигли подножья одинокой горы, Атал решил вслух высказать свои опасения. Но старый мудрый Барзай, не ведая страха, двинулся вверх по склону туда, где не бывал ни один человек со времен Сансу, о чьих деяниях с ужасом повествуют полуистлевшие Пнакотикские рукописи.

Подъем был сложен и опасен из-за глубоких расселин, крутых утесов и камнепадов, к которым вскоре добавились холод и снег. То и дело поскользываясь и рискуя сорваться в пропасть, они упрямо лезли вверх, вонзая в трещины топоры и острые концы посохов. В разреженном воздухе дышалось труднее, а цвет неба постепенно менялся с голубого на густо-синий. Путники взбирались все выше, дивясь странностям открывавшегося пейзажа и невольно содрогаясь при мысли о том, что их ждет наверху, когда опустится белая мгла и луна исчезнет из виду. Три дня продолжалось восхождение; наконец они разбили лагерь на подступах к вершине и стали ждать, когда появятся облака.

Четыре последующие ночи были ясными, и холодный свет луны легко пронзал тончайшую дымку вокруг безмолвного пика. На пятую ночь, когда настало полнолуние, Барзай разглядел вдалеке, у северного края небосклона, несколько плотных облаков. Оба вскочили на ноги и стали следить за их приближением. Мощно и величаво облака подплывали к горе и смыкали ряды над головами потрясенных созерцателей. Целый час они наблюдали, как кольцами вьется туман и все плотнее становится облачная завеса. Многомудрый Барзай напрягал слух, пытаясь уловить какие-то лишь ему ведомые звуки, меж тем как его ученик цепенел от холода и страха в объятиях промозглого ночного тумана. И когда Барзай начал подниматься к самой вершине, знаками подзывая Атала, юноша долго медлил, прежде чем последовать его примеру.

Мгла сгустилась настолько, что Атал едва различал силуэт своего наставника, серым пятном маячивший в неверном лунном свете, который пробивался сквозь разрывы в облаках. Барзай ушел далеко вперед — невзирая на почтенный возраст, он двигался гораздо быстрее Атала, с легкостью одолевая кручи, подняться на которые было по силам лишь очень крепкому и бесстрашному скалолазу, и ни на миг не задерживаясь перед широкими черными провалами, через которые Атал перепрыгивал с большим трудом.

Так они поднимались все выше, минуя обрывы и разверстые бездны, скользя, спотыкаясь и лишь изредка приостанавливаясь, чтобы с благоговейным трепетом ощутить необъятность и устрашающее безмолвие обледенелых склонов и гранитных скал.

Атал внезапно потерял из виду Барзая, когда тот взбирался на отвесную стену чудовищного утеса, перекрывшего им путь и казавшегося непреодолимым для любого смертного, не вдохновляемого богами Земли. Находясь гораздо ниже по склону, Атал раздумывал, как ему поступить, когда сияние вверху заметно усилилось, словно оповещающая о близости места сбора богов — открытой лунному свету заоблачной вершины. Юноша пополз в направлении утеса и разливающегося по небу сияния, хотя ужас, его охвативший, не шел ни в какое сравнение с чем-либо им испытанным ранее. И тут сверху донесся ликующий крик невидимого Барзая:

— Я слышал богов! Я слышал пение богов на вершине Хатег-Кла! Отныне Барзай-Пророк знает, как звучат голоса богов Земли! Туман отступает, луна светит ярко, и вскоре я увижу богов неистово пляшущими на горе Хатег-Кла, которую они любили в дни своей юности! Мудрость Барзая возвысила его над богами Земли, чьи запреты и чары не стали для него препятствием! Барзай увидит богов — гордых богов, непостижимых богов, презрительно чуждавшихся людского взора!

Атал не слышал голосов, о которых говорил Барзай; он только что добрался до подножия громадного утеса и теперь осматривал его в поисках точек опоры, когда вновь раздался крик его учителя, еще более громкий и пронзительный:

— Туман почти рассеялся, луна бросает резкие тени на горный склон. Голоса богов полны страха и ярости, они боятся Барзая Мудрого, который превзошел их величием! Лунный свет начинает мерцать впереди — там, где пляшут боги. Очень скоро я увижу, как они с завываниями скачут под луной... Свет слабеет, боги Земли трепещут...

Пока Барзай выкрикивал все это, Атал ощутил странные перемены в окружающем пространстве: казалось, земные законы уступают место иным, более могущественным силам. Крутизна утеса осталась прежней, но теперь на нем явственно обозначился путь наверх, и Атал с какой-то пугающей легкостью начал карабкаться по скале. Между тем свет луны исчез окончательно, и крики Барзая долетали до него из темноты:

— Луна погасла, и боги танцуют во мраке! Небеса объаты ужасом, ибо это затмение не предсказано ни в ученых книгах людей, ни в скрижалях богов Земли... На Хатег-Кла творится какое-то неведомое мне волшебство, крики испуганных богов перерастают в смех, а ледяные склоны бесконечно возносятся в черные небеса, и вслед за ними уношусь и я... Но вот оно! Наконец-то! В сумеречном свете я их вижу! Я вижу богов Земли!

В следующий миг Атал, цепляясь за скалу на головокружительной высоте, услышал жуткий хохот, сопровождавшийся воплем, какой вряд ли кому доводилось слышать, кроме как в безумном нагромождении ночных кошмаров, — воплем, в котором воплотились и вырвались наружу весь ужас и вся боль уходящей жизни:

— Иные боги! Это ИНЫЕ БОГИ! Адовы исчадия из иных миров, стерегущие обессиленных богов Земли!.. Отвернись!.. Беги прочь!.. Не смотри на них! Не смотри!.. Грядет возмездие из беспредельных бездн... Проклятая, дьявольская пропасть... О милосердные боги Земли, я падаю в небо!

И в тот самый миг, когда Атал, закрыв глаза и заткнув уши, бросился вниз со скалы в попытке спастись от зловещего притяжения неведомых высот, над Хатег-Кла грянул чудовищный гром, разнесшийся далеко окрест и пробудивший мирных селян на равнине и честных горожан Хатега, Нира и Ултара, и все они могли наблюдать сквозь пелену облаков необычайное затмение луны, которое не было предсказано ни в одной из книг. А когда луна вновь засияла в небесах, живой и невредимый Атал очнулся на снежном склоне ближе к подошве горы и не увидел нигде ни богов Земли, ни тех — Иных богов.

В полуистлевших Пнакотикских рукописях сказано, что Сансу, в пору юности этого мира взошедший на Хатег-Кла, не нашел там ничего, кроме безликих обледенелых скал. Когда же люди из Ултара, Нира и Хатега, переборов свой страх, при свете дня обследовали запретную гору в поисках Барзая Мудрого, они обнаружили на утесе у самой вершины огромный — локтей пятьдесят в ширину — символ, как будто высеченный неким циклопическим резцом. Этот символ был очень похож на таинственный знак, попадавшийся ученым в тех ужасающих разделах Пнакотикских рукописей, которые слишком пострадали от времени, чтобы их можно было прочесть. Собственно, вот и все.

Барзая Мудрого найти не удалось, и никто не мог уговорить благочестивого Атала помолиться за упокой его души. С той поры жители Ултара, Нира и Хатега испытывают панический страх перед затмениями и проводят в неусыпных молитвах те ночи, когда белая мгла окутывает вершину горы и скрывает из виду лунный диск. А боги Земли и ныне временами посещают Хатег-Кла, чтобы исполнить свой танец памяти на голых скалах над полосой туманов. Зная, что их никто более не потревожит, они охотно приплывают сюда с неведомого Кадата на своих облачных кораблях, чтобы вспомнить далекие времена, когда этот мир был еще молод и родом людским еще не овладела страсть к покорению неприступных вершин.

Перевод: Василий Дорогокупля

2010 год